

КНИГА ТРЕТЬЯ. ПОД СЛЕДСТВОМ

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА

САГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

CoRpus

Дом правительства. Сага о русской революции

Юрий Слёзкин

**Дом правительства. Сага о
русской революции. Книга
третья. Под следствием**

«Corpus (АСТ)»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

Слёзкин Ю. Л.

Дом правительства. Сага о русской революции. Книга третья. Под следствием / Ю. Л. Слёзкин — «Corpus (АСТ)», 2017 — (Дом правительства. Сага о русской революции)

ISBN 978-5-17-100477-4

Юрий Слезкин рассказывает историю Советского союза через историю одного из самых известных, показательных и трагических его символов. Дом правительства, он же Первый Дом Советов, он же легендарный Дом на набережной. Здесь жила элита СССР. Ученые и писатели, актеры и партийные деятели, маршалы и изобретатели, всемогущие тираны и их жертвы, те, кого с восторгом ждали у подъезда ради автографа, и те, чье имя боялись произносить даже на кухнях. Демьян Бедный и Александр Серафимович, Светлана Аллилуева и Василий Сталин, Лаврентий Берия и Никита Хрущёв, Алексей Стаханов и Артём Микоян, Георгий Жуков и Иван Баграмян, Юрий Трифонов и Павел Постышев, Михаил Тухачевский и Василий Блюхер. В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей дома были репрессированы. Во времена большого террора некоторые квартиры меняли по несколько хозяев в месяц. «Дом правительства» – это документальная история о том, как зарождался, развивался и погибал этот дом. А вместе с ним и вся страна. Книга третья, «Под следствием», рассказывает об опустошении Дома правительства, последней жертве старых большевиков, «массовых операциях» против тайных вредителей, разнице между верностью и предательством, семейной жизни профессиональных палачей, долгой старости реабилитированных вдов, искуплении и отступничестве детей революции и конце большевизма как веры в тысячелетнее царство.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-17-100477-4

© Слёзкин Ю. Л., 2017

© Corpus (АСТ), 2017

Содержание

Предисловие	8
Благодарности	12
Книга третья	13
Часть V	13
23. Телефонный звонок	13
24. Признание вины	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юрий Слёзкин
Дом правительства. Сага
о русской революции
Книга третья. Под следствием

Рисунки на обложке Франческо Бонджорни (Artwork by Francesco Bongiorno)

Дизайн суперобложки Крис Ферранте (Jacket design by Chris Ferrante)

Фотографии предоставлены Музеем Дома на набережной за указанными в подписях исключениями

© Yuri Slezkine, 2017

© Ю. Слёзкин, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

18+

* * *

*Это исторический труд.
Любое сходство с литературными персонажами – случайное
совпадение.*

*Написан он был задом наперед: сначала по-английски, а потом
по-русски.*

мефистофель:

*Чуть дух покинет тело, договор
Ему представлю, кровью подкрепленный,
Но столько средств есть с некоторых пор
Отбить у черта душу незаконно!*

***Иоганн Вольфганг фон Гете, Фауст,
перевод Б. Пастернака***

Иногда Валенту казалось, что время, зависшее в неопределенном ожидании, остановилось и застыло. Сама идея задуманной им панорамы, чьи разрозненные, рассыпанные образы преследовали его ежесекундно, заполняя сны и пробуждая воспоминания, самая мысль о развороченном доме с оголенными трещинами прошлого и развалинами настоящего, об этом беспорядочном скоплении историй – грандиозных и комичных, игривых и жалких – ассоциировалась у него с нелепо громадным мавзолеем, воздвигнутым в память о статистах, застывших в финальных позах, равно незначительных в своей торжественности и банальности. Как будто он хотел разом предотвратить и задержать медленные или внезапные смерти, грозившие настичь всех жильцов, этаж за этажом: мсье Марсиа, мадам Моро, мадам де Бомон,

*Бартлбута, Рориаша, мадмуазель Кресси, мадам Альбен, Смотфа. И,
разумеется, его самого, Валена, старейшего обитателя дома.
Жорж Перек, Жизнь, способ употребления*

Предисловие

В годы первой пятилетки советское правительство построило социалистическое государство и плановую экономику. Тогда же оно построило себе дом. Дом правительства располагался на Болоте и состоял из одиннадцати корпусов различной высоты, окружавших три сообщающихся двора с фонтанами посередине.

Дом был задуман как компромисс между революционным авангардом и социалистическим реализмом и как проект «переходного типа» на полпути от индивидуализма к коллективизму. Строгий функционализм и чистые линии сочетались с массивным объемом и неоклассицистическим фасадом; 505 квартир соседствовали с банком, магазином, почтой, телеграфом, столовой, амбулаторией, прачечной, парикмахерской, детским садом, теннисным кортом, гимнастическим залом и несколькими десятками комнат для различных видов досуга, от бильярда и шахмат до рисования и репетиций оркестра. Со стороны Москва-реки комплекс завершал Государственный Новый театр на 1300 мест; со стороны Водоотводного канала – кинотеатр «Ударник» на 1500 мест.

Дом предназначался для наркомов, замнаркомов, комиссаров, чекистов, иностранных коммунистов, ученых-марксистов, писателей-соцреалистов, красных директоров, старых большевиков и других «ответственных работников», включая секретаря Ленина и родственников Сталина.

В 1935 году в Доме правительства числилось 2600 жильцов. Около 700 из них были членами правительства, имевшими право на квартиры того или иного размера. Остальные, в том числе 588 детей, были членами их семей. Обслуживанием жильцов, дворов и корпусов занимались от 600 до 800 маляров, дворников, плотников, садовников, электриков, официантов, вахтеров, полотеров, прачек и других рабочих и служащих (в том числе 57 сотрудников администрации здания).

Это был тыл авангарда, частный мир общественных деятелей, место, где жили революционеры и умерла революция.

В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей Дома были выселены по обвинению в терроризме, двурушничестве и социальной чуждости. Все были признаны виновными. Триста сорок четыре человека были расстреляны, остальные приговорены к разным видам заключения.

В октябре 1941 года оставшиеся жильцы были эвакуированы. Вернувшись, они нашли больше соседей и меньше руководителей. Дом по-прежнему принадлежал правительству, но перестал быть его убежищем. После крушения СССР соседняя площадь снова стала Болотной.

* * *

В книге три этажа. На первом – семейная сага о жителях Дома правительства, которые функционируют как персонажи эпоса или люди в повседневной жизни: некоторых мы видим и вскоре забываем, некоторых смутно припоминаем, некоторых узнаем, но плохо знаем, а с некоторыми хорошо знакомы и рады или не рады увидеться снова. Но, в отличие от персонажей большинства эпосов и людей в нашей жизни, ни один не является центральным. Главные герои «Дома правительства» – дом и правительство.

Второй этаж – аналитический. В начале книги большевики характеризуются как сектанты, готовящиеся к апокалипсису. В последующих главах различные эпизоды большевистской семейной саги соотносятся с фазами эволюции неисполнившегося пророчества, от первого пришествия до великого разочарования и многократно отложенного судного дня.

По сравнению с другими апокалиптическими сектами большевики замечательны масштабом успеха и недолговечностью веры. Они завоевали Рим задолго до того, как вера стала привычкой, но не сумели превратить привычку в традицию, которая могла бы стать наследственной.

Третий этаж – литературный. Для старых большевиков чтение «сокровищ мировой литературы» было обязательной частью обретения веры, ритуалов ухаживания, тюремных «университетов» и домашней повседневности. Для их детей оно было любимым видом досуга и главным критерием образованности. В «Доме правительства» эпизоды большевистской семейной саги и фазы эволюции неисполнившегося пророчества сопровождаются обсуждением литературных текстов, сыгравших важную роль в их интерпретации и мифологизации. Ключевые темы этих текстов – великий потоп, исход из Египта, реставрация Вавилонской башни и болото быта – становятся элементами истории Дома правительства. Некоторые литературные персонажи помогали его строить, некоторые в нем жили, а один – Фауст Гёте – был признан идеальным жильцом.

История Дома правительства состоит из трех книг. Книга первая, «В пути», представляет старых большевиков как молодых людей и рассказывает о том, как они обратились в новую веру, жили в тюрьмах и ссылках, проповедовали грядущую революцию, победили в Гражданской войне, установили диктатуру пролетариата, горевали об отсрочке социализма и спорили о том, что делать, пока длится ожидание.

Книга вторая, «В Доме», описывает возвращение революции в облике первой пятилетки; строительство Дома правительства и всего Советского Союза; разделение труда и пространства в отдельных квартирах; размышления о смерти и преемственности на пороге вечности и слияние прошлого с будущим в волшебном царстве «счастливого детства».

Книга третья, «Под следствием», рассказывает об опустошении Дома правительства, последней жертве старых большевиков, «массовых операциях» против тайных вредителей, разнице между верностью и предательством, семейной жизни профессиональных палачей, долгой старости реабилитированных вдов, искуплении и отступничестве детей революции и конце большевизма как веры в тысячелетнее царство.

Все уровни, темы и мотивы сходятся в эпилоге о прозе Юрия Трифонова, который превратил дом своего детства в символ большевистской саги, памятник утраченной вере и сокровище мировой литературы.

* * *

Некоторые жители Дома правительства были важнее других благодаря партийному стажу, месту в номенклатуре и особым заслугам. Некоторые герои этой книги важнее других, потому что они или их близкие позаботились о жизни после смерти.

Один из руководителей Московского восстания и председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей Александр Аросев (кв. 103 и 104) вел дневник, который сохранила его сестра и издала одна из дочерей. Идеолог левого коммунизма и первый председатель Высшего совета народного хозяйства Валериан Осинский (кв. 389, 18) в течение двадцати лет переписывался с Анной Шатерниковой, которая сохранила его письма и отдала его дочери, которая, в свою очередь, передала их в архив и написала воспоминания. Видный литературный критик и куратор советской литературы 1920-х годов Александр Воронский (кв. 357) написал несколько книг воспоминаний и стал героем мемуаров своей дочери и многочисленных современников. Директор лаборатории Мавзолея Ленина Борис Збарский (кв. 28) обессмертил себя, увековечив тело Ленина. Его сын и коллега Илья Збарский написал книгу о себе, отце и Мавзолее. «Совесть партии» и заместитель генерального прокурора Арон Сольц (кв. 393) много писал о коммунистической этике и приютил свою племянницу, дочь которой написала о нем книгу и передала рукопись в архив. Об обвинителе на процессе Филиппа Миронова в 1919 году

Иваре Смильге (кв. 230) много рассказывала его дочь Татьяна, унаследовавшая его красноречие (но не его веру). Председатель Главного управления мукомольно-крупяной промышленности, «пекарь» Борис Иванов (кв. 372), остался в памяти жителей Дома правительства благодаря своему чрезвычайному великодушию.

Лева Федотов, сын покойного инструктора ЦК и пролетарского писателя Федора Федотова (кв. 262), вел дневник, потому что считал, что «все важно для истории». Инна Гайстер, дочь заместителя народного комиссара земледелия Арона Гайстера (кв. 162), опубликовала подробную «семейную хронику». Анатолий Грановский, сын директора Березниковского химического комбината Михаила Грановского (кв. 418), попросил убежища в США и написал воспоминания о работе секретным сотрудником НКВД под командованием Андрея Свердлова, сына первого главы советского государства и организатора красного террора, Якова Свердлова. Будучи молодым революционером, Яков Свердлов написал несколько подробных писем матери Андрея, Клавдии Новгородцевой (кв. 319), и своей юной последовательнице, Кире Эгон-Бессер. Обе женщины сохранили его письма и написали о нем воспоминания. «Пекарь» Борис Иванов написал воспоминания о жизни Якова, Клавдии и Андрея в сибирской ссылке. Андрей (кв. 319) отредактировал воспоминания матери, написал (в соавторстве) три детективных повести по материалам своей работы в НКВД и фигурирует в роли следователя в воспоминаниях Анны Лариной-Бухариной (кв. 470). После ареста бывшего начальника следственного отдела ВЧК Григория Мороза (кв. 39) его жену Фанни Львовну Крейнделю и старшего сына Самуила отправили в лагерь, а младших сыновей Владимира и Александра – в детский дом. Владимир вел дневник и написал несколько писем, которые были использованы в качестве доказательства его вины (и впоследствии опубликованы); Самуил написал воспоминания и отправил их в музей. Ева Левина-Розенгольц, профессиональная художница и сестра наркома внешней торговли Аркадия Розенгольца (кв. 237), провела семь лет в ссылке и создала несколько графических циклов о тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся. Старейшая старая большевичка Елена Дмитриевна Стасова (кв. 245, 291) посвятила последние десять лет жизни «реабилитации» тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся.

Юлия Пятницкая, жена секретаря Исполкома Коминтерна Осипа Пятницкого (кв. 400), начала вести дневник незадолго до ареста мужа и вела его до своего ареста. Дневник был опубликован ее сыном Владимиром, который написал книгу об отце. Татьяна Мягкова, жена председателя Госплана СССР Михаила Полоза (кв. 199), писала своим близким из ссылок, тюрем и лагерей. Ее письма сохранила и перепечатала ее дочь Рада Полоз. Наталия Сац, жена наркома внутренней торговли Израиля Вейцера (кв. 159), основала первый в мире детский театр и написала две автобиографии, одна из которых описывает ее пребывание в ссылках, тюрьмах и лагерях. Агнесса Аргиропуло, жена начальника УНКВД Западной Сибири и автора идеи использования внесудебных троек при проведении массовых репрессий Сергея Мирнова, рассказала об их совместной жизни сотруднице общества «Мемориал», которая опубликовала текст их бесед отдельной книгой. Мария Денисова, жена замнаркома обороны Ефима Щаденко (кв. 10 и 505), послужила прототипом Марии в поэме Маяковского «Облако в штанах». Начальник Московско-Казанской железной дороги Иван Кучмин (кв. 226) послужил прототипом Алексея Курилова в романе Леонида Леонова «Дорога на Океан». Корреспондент «Правды» Михаил Кольцов (кв. 143) послужил прототипом Каркова в романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Усомнившийся Макар из рассказа Андрея Платонова участвовал в строительстве Дома правительства. Всехсвятская улица, на которой строился Дом правительства, была переименована в честь автора «Железного потока» Александра Серафимовича (кв. 82). Юрий Трифонов, сын комиссара Красной армии и председателя Главного концессионного комитета Валентина Трифонова (кв. 137), написал повесть, превратившую Дом правительства в Дом на набережной. Его вдова, Ольга Трифонова, стала директором музея «Дом

на набережной», который собирает книги, письма, рассказы, картины, дневники, фотографии, граммофоны и другие следы Дома правительства.

Благодарности

На написание этой книги ушло много лет. Я благодарен Гуверовскому институту в Стэнфорде за самый спокойный год жизни и Виссеншафтсколлег в Берлине за один из самых счастливых; Национальному фонду гуманитарных наук, Национальному совету евразийских и восточноевропейских исследований и Калифорнийскому университету в Беркли за финансовую поддержку; Кристиане Бюхнер за сотрудничество и документальный фильм; Ольге Бандример за транскрипцию интервью; Артему Задикяну за несравненные фотографии и столь же несравненную щедрость; Элеоноре Гилбурд, Кэтрин Зубович, Клариссе Ибарре, Николь Итон, Майклу Коутсу, Джейсону Мортону, И. Т. Сидоровой, Виктории Смолкиной, А. Г. Теплякову, Брэндону Шехтеру и Чарльзу Шоу за помощь в поисках документов. Особая благодарность – друзьям и коллегам, которые прочитали всю рукопись и прислали конструктивную и деструктивную критику: Виктории Боннелл, Джорджу Бреслауэру, Амиру Вайнеру, Джеймсу Вернону, Брайану Делэю, Сергею Иванову, Джозефу Келлнеру, Иоахиму Кляйну, Джону Коннелли, Томасу Лакёру, Элизабет Макгуайр, Ольге Матич, Бенджамину Натансу, Эрику Нейману, Энн Несбет, Джой Ноймайер, Дэниелу Орловскому, Ирине Паперно, Этану Поллоку, Игорю Примакову, Хэнку Райшману, Эдварду Уокеру, Мириам Феркелиус, Виктории Фредемонтемайор, Григорию Фрейдину, Дэвиду Холлингеру, Ирвину Шайнеру и всем членам берклийского кружка по русской истории.

Джон Джерде спрашивал меня, как я собираюсь писать эту книгу, пока я не собрался ее писать; Реджи Зельник заметил бы присутствие персонажа, который не жил в Доме правительства; Бригитта ван Райнберг превратила громоздкую рукопись в «Дом правительства»; а Зои Паньямента наглядно показала, как работает хороший литературный агент. Варвара Горностаева руководила созданием русской версии, а Екатерина Владимирская снова научила меня писать на родном языке.

Больше всех я обязан женщинам, которые создали музей «Дом на набережной» и приняли меня в свою среду: покойным Виктории Борисовне Волиной, Елене Ивановне Перепечко и Тамаре Андреевне Тер-Егизарян и моим друзьям и учителям Инне Николаевне Лобановой, Татьяне Ивановне Шмидт и Ольге Романовне Трифоновой. Эта книга посвящается им.

Взаимность обратно пропорциональна близости. На услугу постороннего следует ответить как можно скорее; близкий друг может ждать обещанной саги двадцать лет; все семьи похожи друг на друга, потому что на них не распространяются правила обмена дарами. Поэтому я не благодарю Петра Слёзкина и Лизу Литтл за их участие в написании этой книги.

Книга третья Под следствием

Часть V Страшный суд

23. Телефонный звонок

Вечером 1 декабря 1934 года Хрущева позвали к телефону.

Звонил Каганович: «Я говорю из Политбюро, прошу вас, срочно приезжайте сюда». Приезжаю в Кремль, захожу в зал. Каганович встретил меня. У него был какой-то страшный и настораживающий вид, очень взволнованный, в глазах стояли слезы. Слышу: «Произошло несчастье. В Ленинграде убили Кирова»¹.

Заместителя управляющего Военно-химическим трестом и бывшего представителя польской компартии при исполкоме Коминтерна Вацлава Богущкого звонок застал дома. С ним (в квартире 342) были его жена, библиотекарь из Института Ленина Михалина Иосифовна, и их девятилетний сын Владимир, который много лет спустя написал воспоминания.

Однажды вечером отца позвали к телефону. Он подошел, как обычно. Но вдруг во время разговора лицо его стало резко меняться. С глубоким волнением он задавал отдельные отрывочные вопросы. Ответов мы не слышали, но тон разговора и выражение его лица нас с мамой насторожили. Когда он повесил трубку, на глазах у него выступили слезы. Мама встревоженно спросила, кто звонил, что случилось? Он назвал фамилию звонившего (это был кто-то знакомый из аппарата Коминтерна или ЦК, сейчас не помню) и тихо сказал: «Кирова убили». Такого выражения горя на лице отца я больше никогда не видел...²

Родители Инны Гайстер, которой тогда тоже было девять лет, обратили внимание, что их соседи по лестничной площадке, начальник строительства Сельскохозяйственной выставки Исаак Коростышевский и его жена, горевали меньше, чем они. «Мама сказала, – рассказывала Инна, – что они так не переживают, потому что у них нет детей». Смерть Кирова стала личной трагедией, которую разные советские семьи переживали в меру своего эмоционального опыта и политической сознательности. Но все понимали, что, как сказал Хрущев, «все изменилось»³.

Агнесса Аргиропуло и Сергей Миронов были в Днепропетровске, где Миронов руководил областным управлением НКВД. 1 декабря Агнесса пришла домой и увидела в прихожей фуражку Миронова.

---

¹ Хрущев, *Воспоминания*, т. 1, с. 91.

² АОМ, фонд 2 (Коллекция мемуаров), В. Богущкий, *Воспоминания*, с. 2.

³ Интервью автора с И. А. Гайстер, 30 сентября 1997 г.; Хрущев, *Воспоминания*, т. 1, с. 84.

Я удивилась, что он уже дома, быстро прошла в кабинет. Гляжу, он сидит в шинели, даже не раздевался, лицо нездешнее, мысли далеко. Я уже поняла: что-то случилось.

– Что с тобой? – взволнованно.

Он – коротко:

– Кирова убили.

– Какого Кирова?

– Ну помнишь, я тебе на вокзале показывал в Ленинграде.

Я вспомнила. У меня очень хорошая зрительная память. Правда, в Ленинграде я Кирова видела мельком.

Как-то у Сережи выдалось несколько свободных деньков, и мы решили «протряхнуться» в Ленинград: из Москвы на «Красной стреле» туда-назад, там день «покутим». На вокзале мне Сережа показал, шепотом назвал:

– Киров – секретарь обкома.

Среднего роста, лицо располагающее, с нами поздоровался приветливо, сказал:

– Что, наш Ленинград решили навестить?

Начальником Управления НКВД Ленинградской области был Медведь, затем там появился еще Запорожец. Мы их обоих хорошо знали по санаторию в Сочи. Медведь Филипп – большой, плотный. Запорожец – высокий, стройный, прославился на гражданской войне, был ранен в ногу, хромал. Жена Запорожца Роза была красавицей. У них долго не было детей, прошел слух, что вот сейчас она наконец-то на четвертом месяце. Каждый день она уходила гулять надолго в разные концы – семь-восемь километров туда, семь-восемь километров обратно – тренировалась, укрепляла себя к родам...

– Убит? – удивилась я. – Кем?

– Убийца задержан, фамилия Николаев. – И добавил, резко усмехнувшись: – Плохо работают товарищи ленинградские чекисты!

У него бы, мол, такого не произошло! Но было и облегчение, что это случилось не в его области⁴.

Приемный сын Сталина Артем Сергеев (которому в 1934 году исполнилось тринадцать), сказал буквально то же, что Хрущев: «После этого все изменилось». Близкий друг Сергеева Анатолий Грановский (сын директора Березниковского химического комбината Михаила Грановского) написал примерно то же самое:

Эта новость произвела неувловимую перемену во всем. Люди вели себя так, как будто врач сказал им, что у них опухоль и предстоит выяснить, раковая ли она. Они перестали обсуждать свое состояние и строить предположения – они просто ждали. Впрочем, скоро оказалось, что виноваты троцкисты. Я слабо представлял себе, что значит это слово, но знал, что речь идет о чем-то чудовищном. Я всему верил и не мог вообразить, к чему приведет этот один выстрел⁵.

---

⁴ Яковенко, *Agnessa*, <http://www.memo.ru/history/agnessa/>

⁵ Simon Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2003), с. 603 (примечание 13); Granovsky, *I Was*, с. 24. Об убийстве Кирова и начале Большого террора см.: Matthew E. Lenoe, *The Kirov Murder and Soviet History* (New Haven: Yale University Press, 2010).

* * *

Козел отпущения – центральная фигура в человеческой жизни. Общество, ощущающее себя в опасности, избавляется от виновных, восстанавливает свою целостность и пытается предотвратить повторение кризиса, разыгрывая его в виде ритуала или раскаиваясь в содеянном (и наказывая виновных в наказании невинных). И термин, и практика коренятся в жертвоприношении.

И принесет Аарон тельца в жертву за грех за себя и очистит себя и дом свой. И возьмет двух козлов и поставит их пред лицом Господним у входа скинии собрания; и бросит Аарон об обоих козлах жребий: один жребий для Господа, а другой жребий для отпущения; и приведет Аарон козла, на которого вышел жребий для Господа, и принесет его в жертву за грех, а козла, на которого вышел жребий для отпущения, поставит живого пред Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения⁶.

Оба козла – для отпущения: оба страдают за грехи наши, и оба нужны ради выкупа богам и искупления живущим («выкуп» и «искупление» – однокоренные слова). Древние греки боролись с несчастьями, изгоняя или убивая убогих («фармакой»). Многие мифы о сотворении мира начинаются с изгнания дьявола или его сподвижников. Некоторые героические повествования (в том числе об Адаме, Моисее, Парисе и Эдипе) начинаются с ритуальной ссылки или попытки детоубийства. Для внедрения сельского хозяйства необходима смерть Авеля. Для основания Рима необходимо сиротство Ромула и Рема и гибель последнего⁷.

Что бы ни было в начале, слово или дело, человеческое жертвоприношение – один из старейших локомотивов истории. Почти вся литература – так или иначе о козлах отпущения. Комедия изображает изгнание с точки зрения общества, трагедия – с точки зрения изгнанника. Комедия посвящена социальному исцелению – временному или мнимому изгнанию главных героев (снобами, драконами, лицемерами, несправедливыми законами и неуступчивыми родителями) и их последующему триумфу, сопровождаемому раскаянием или казнью вредителей. Чтобы Дэвид Копперфильд возмужал, а мистер Микобер (потомок сверхъестественных помощников и слуг-плутов) «начал жизнь сначала», Урия Хип должен уйти. Относительно недавней и чрезвычайно успешной вариацией на тему козла отпущения является жанр детектива, который Нортроп Фрай определил как «ритуальную драму вокруг трупа, в ходе которой перст социального осуждения указывает на нескольких подозреваемых, пока не останавливается на одном из них. Ощущение, что жертву выбирают по жребию, усиливается благодаря малой убедительности доказательств виновности». В пессимистической версии герой теряет надежду на реформирование общества, переосмысляет жертвоприношение и отправляется в добровольную ссылку (буквально, как Чацкий, или символически, как brave солдат Швейк). В сюжетах о Ное, Лоте и Энее обновление мира требует двух жертв: геноцида и изгнания⁸.

Трагедия (от греческого слова «козел») посвящена акту жертвоприношения и фигуре жертвы. Эдип, Макбет и Анна Каренина в каком-то смысле виновны; Жанна Д'Арк, Йозеф К.

---

⁶ Лев. 16:6–10.

⁷ Walter Burkert, *Greek Religion: Archaic and Classical* (Blackwell, 1985), с. 82–84; René Girard, *The Scapegoat* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986); Robert G. Hamerton-Kelly, ed., *Violent Origins* (Stanford: Stanford University Press, 1987); Walter Burkert, *Homo Necans: Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen* (Berlin: Walter de Gruyter, 1972), особ. с. 60–85.

⁸ Northrop Frye, *Anatomy of Criticism: Four Essays* (Princeton: Princeton University Press, 1957), с. 43–49, 163–186 и др. (цитата на с. 46).

и Тэсс из рода д'Эрбервиллей в каком-то смысле невиновны; Ифигения, Иисус и Ромео и Джульетта – принципиально невинны и сознательно жертвенны. Но главное не в этом (как объясняет Иову судья последней инстанции). Трагедию интересует не состав преступления, а неизбежность падения. Агнцы и козлы идут на заклание вместе. Иисус был распят одновременно с двумя разбойниками, безумным и благоразумным, и в каком-то смысле за то же (Софокл без труда указал бы на гордыню Иисуса). Все отверженные – искупительные жертвы. И наоборот. Злодеи комедии («печально известные Хипы») могут обернуться трагическими героями, а трагические герои могут оказаться невинными. Эдип начинает жизнь как брошенный младенец, а кончает как отверженный царь. То же происходит с Моисеем. Роман Харпер Ли «Убить пересмешника» посвящен традиционному американскому ритуалу казни козла отпущения: суду над черным мужчиной по обвинению в изнасиловании белой женщины. При этом неофициальный подозреваемый и главный обвинитель тоже традиционные козлы отпущения – загадочный отшельник и городской пьяница. Черный мужчина остается невинной жертвой, неофициальный подозреваемый оказывается героем-победителем, а главный обвинитель наказан как безумный разбойник. Все легко узнаваемы и связаны узами родства; самый знаменитый городской пьяница в Америке – отец Гека Финна⁹.

Козлы во плоти ассоциируются с кризисами: от семейных скандалов и школьных «темных» до «окончательного решения» и «войны с террором». Жертв выбирают из числа чужаков, чужаков и обладателей опасного знания (калек, жрецов, близнецов, ростовщиков, торговцев, инородцев, монахов, аристократов, старух и знахарей) и обвиняют в совершении преступлений, угрожающих основам общественной жизни: отравлении, кровосмешении, изнасиловании, детоубийстве, людоедстве, иконоборчестве, кровавых жертвах и бессмысленных разрушениях. Если кризис не ослабевает, к поиску виновных присоединяются новые группы преследователей, а к старым обвинениям – новые. Если поисками занимается судебная система, искусные допросы и серийные признания вовлекают друзей и родственников подозреваемых и ведут к раскрытию крупных заговоров. В конце 1620-х – начале 1630-х, в разгар «религиозных войн» и после нескольких подряд неурожаев, охота на ведьм в баварском Бамберге завершилась сожжением нескольких сотен человек, включая почти всю городскую элиту. Одним из них, согласно протоколу допросов, был бургомистр Йоханнес Юниус¹⁰.

В среду 28 июня 1628 г. был допрошен без пристрастия Йоханнес Юниус, бургомистр Бамберга, по обвинению в колдовстве – как и вследствие чего впал в этот порок. Возраст – пятьдесят пять лет, родом из Нидервайзиха в Веттерау. Утверждает, что невиновен, ничего не знает ни о каких преступлениях и никогда не был отступником; говорит, что его оклеветали перед Богом и людьми и что не может быть свидетелей, которые видели бы его на ведьминских шабашах.

Очная ставка с доктором Георгом Адамом Хааном. Говорит, что клянется жизнью, что полтора года назад видел его, Юниуса, на ведьминском шабаше в комнате городского совета, где они ели и пили. Обвиняемый все отрицает.

Очная ставка с Эльзе Хопфен. Говорит, что Юниус был на большом болоте на ведьминских плясках, а до этого осквернил просфору. Юниус все отрицает. Ему сказано, что его сообщники сознались и показали на него и что ему дается время на размышление.

⁹ Там же, с. 35–43, 206–223.

¹⁰ Erich Goode, Nachman Ben-Yehuda, *Moral Panics: The Social Construction of Deviance* (Cambridge, MA and Oxford, UK: Blackwell, 1994), особ. с. 144–184; Wolfgang Behringer, *Witches and Witch-Hunts: A Global History* (Cambridge, UK: Polity Press, 2004), с. 4–5, 12–13, 113–131 и др.; David Frankfurter, *Evil Incarnate: Rumors of Demonic Conspiracy and Ritual Abuse in History* (Princeton: Princeton University Press, 2006).

В пятницу 30 июня 1628 г. Юниусу было без пыток предложено во всем сознаться, но он опять отказался, вследствие чего, так как он ни в чем не сознался, к нему применены пытки¹¹.

После пяти дней пыток и «увещеваний» Юниус сознался в том, что был соблазнен дьяволицей, отступил от Бога, вступил в тайный сговор, участвовал в ведьминских плясках, осквернил просфору и покушался на убийство сына и дочери (но убил гнедую кобылу). 24 июля 1628 года он написал секретное письмо дочери.

Тысячи пожеланий доброй ночи моей горячо любимой дочери Веронике. Безвинным пришел я в эту тюрьму, безвинным пострадал, безвинным умру. Потому что любого, кто здесь окажется, либо превратят в ведьму, либо будут мучить, пока он – Бог ему в помощь – что-нибудь не придумает. Я расскажу, что произошло со мной. В первый день пыток со мной были доктор Браун, доктор Коцендорфер и два незнакомых доктора. Доктор Браун спросил: «Кум, как ты здесь оказался?» Я ответил: «По навету и по несчастью». «Послушай, – говорит он, – ты колдун. Сознайся по доброй воле. Если не сознаешься, вызовем палача и свидетелей». «Я не колдун, – говорю, – и совесть моя чиста. Мне нечего бояться; приведите хоть тысячу свидетелей, я с радостью всех выслушаю». Сначала привели сына канцлера, а потом Эльзе Хопфен. Она сказала, что видела меня на большом болоте. Я ответил: «Я никогда не отступал от Бога и, с Его помощью, никогда не отступлю. Стерплю, что должен стерпеть». После этого – спаси меня, милостивый Боже, – пришел палач, связал мне руки и вставил пальцы в тиски, так что из-под ногтей и отовсюду потекла кровь, и я четыре недели не мог шевелить пальцами, как видишь по почерку... Потом меня раздели, связали руки за спиной и вздернули к потолку. И я подумал, что не увижу больше ни земли, ни неба. И так восемь раз поднимали и опускали, и я претерпел страшную муку...

Это произошло в пятницу 30 июня, и я все, с Божьей помощью, стерпел... И палач повел меня обратно в тюрьму и вдруг говорит: «Умоляю вас, милостивый государь, сознайтесь, ради Бога, в чем-нибудь, не важно в чем. Придумайте что-нибудь, потому что выдержать пытку, которую вам назначат, нет никакой возможности. И даже если выдержите, не будет вам облегчения, потому что пытки будут следовать одна за другой, пока вы не сознаетесь. Только тогда они вас отпустят, как видите по их судебным процессам, которые все как один...»

Осознав ужас моего положения, я попросил, чтобы мне дали священника и день на размышление. В священнике мне отказали, но время на размышление дали. И вот, дитя мое, сама посуди, перед каким выбором я оказался и до сих пор нахожусь. Я должен признаться в том, что я колдун, хотя это неправда, и отказаться от Бога, хотя никогда раньше этого не делал. Я промучился весь день и всю ночь и наконец надумал вот что. Раз мне не дали священника, у которого я мог бы спросить совета, я сам что-нибудь придумаю, скажу это устами и словами, хоть это и неправда, а потом исповедаюсь у священника. И пусть те, которые заставили меня сказать неправду, отвечают перед Богом... И я во всем сознался, и все было ложью...

---

¹¹ George L. Burr, ed., *The Witch Persecutions in Translations and Reprints from the Original Sources of European History*, 6 vols. (Philadelphia: University of Pennsylvania History Department, 1898–1912), т. 3, № 4, с. 23–24, <http://history.hanover.edu/texts/bamberg.html>, Scanned by Mike Anderson, May 1998. Proofread and pages added by Jonathan Perry, March 2001.

После этого мне велели сказать, кого я видел на шабаше. Я сказал, что никого. «Старый сукин сын, – говорят, – сейчас палача позovem. Разве там не было канцлера?» «Был», – говорю. «А еще кто там был?» Я сказал, что больше никого не узнал. Тогда они говорят: «А ты вспомни все улицы города, одну за другой, и иди от рыночной площади по одной улице, а обратно по другой». Мне пришлось назвать еще несколько человек. Дошел до длинной улицы. Сказал, что никого не знаю, но пришлось назвать восемь человек. В Цинкерверте назвал еще одного. Прошел по верхнему мосту до Георгиевских ворот, сказал, что никого не знаю. «А в замке, – говорят, – знаешь кого-нибудь? Говори, не бойся». И так по каждой улице. Но я сказал, что больше никого не знаю. Тогда они позвали палача, велели ему обрить мне все тело и приказали пытаться. «Сукин сын знает кое-кого на рыночной площади, каждый день с ним видится, а называть не хочет». Я знал, что они имеют в виду Дитмайера. Пришлось и его назвать.

После этого я должен был перечислить свои преступления. Я ничего не сказал.

«Вздерни сукиного сына!» Тогда я сказал, что собирался убить детей, но вместо этого убил лошадь. Но этого было мало. Тогда я сказал, что осквернил просфору, и меня отпустили.

Такова моя исповедь, дитя мое. И за это я должен погибнуть. Но все это ложь, и да поможет мне Бог¹².

И приписал на полях: «Дитя мое, на меня показали шесть человек: канцлер, его сын, Нойдекер, Цанер, Урзель Хоффмайстер и Эльзе Хопфен – ложно и под пытками, в чем сами признались перед казнью. Умоляли, чтобы я их, Христа ради, простил и сказали, что ничего, кроме хорошего, обо мне не знают и что их заставили клеветать, так же как и меня самого»¹³.

* * *

В 80-е годы XX века, в разгар «культурных войн» вокруг аборта, гомосексуализма и института семьи, тысячи американцев подверглись обвинениям в пытках и изнасилованиях маленьких детей. В 1980 году две супружеские пары из округа Керн в Калифорнии были приговорены к 240 годам тюремного заключения за истязания своих детей и продажу их в сексуальное рабство. Следующим летом еще несколько человек из того же округа были приговорены к срокам от 273 до 405 лет за то, что одурманивали своих детей наркотиками, подвешивали их к потолку и периодически насиловали в присутствии третьих лиц. В марте 1984 года семь воспитателей из детского сада Макмартин в городе Манхэттен-Бич под Лос-Анджелесом были арестованы за сексуальные преступления против 360 детей. По версии обвинения, они пили кровь, ели экскременты, резали детей на куски и устраивали оргии в подвалах, на кладбищах и на воздушных шарах. В последующие десять лет несколько сотен детских садов в США предстали перед судом по обвинению в «ритуальном насилии». Процессы начинались с жалобы одного или нескольких родителей и быстро разрастались в массовые кампании с участием различных учреждений и активистов. Доказательствами служили показания детей и, в некоторых случаях, признания подзащитных. Никаких шрамов, фильмов, останков, непосредственных свидетелей и подземных ходов представлено не было. Большинство подзащитных не видели своих обвинителей и не подлежали презумпции невинности¹⁴.

---

¹² Там же, с. 26–28.

¹³ Там же, с. 28.

¹⁴ James Davidson Hunter, *Culture Wars: The Struggle for America* (NY: Basic Books, 1990); Debbie Nathan, Michael Snedeker,

В тот же период сотни взрослых начали обвинять родителей в сексуальном насилии. В августе 1988 года две молодые женщины из округа Тёрстон в штате Вашингтон внезапно вспомнили, что в течении многих лет подвергались сексуальному насилию со стороны своего отца, помощника шерифа и окружного председателя республиканской партии Пола Ингрэма. Когда коллеги Ингрэма из полицейского отделения сообщили ему об этом, он отверг все обвинения, но добавил, что, так как его дочери не стали бы лгать о подобных вещах, у его души может быть «темная сторона», о существовании которой он ничего не знает. После нескольких часов допросов он признал свою вину. Спустя еще полгода он признался, что принадлежит к сатанинскому культу, члены которого пьют кровь, убивают младенцев и насилуют людей и животных. К июню 1993 года более четырех тысяч американцев обвинили своих родителей в сексуальном насилии. Около 17 % обвинений касались сатанинских ритуалов. Согласно статье работника отдела наказаний штата Айдахо, разосланной в полицейские участки по всей стране, сатанинские культы приносили в жертву от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек в год. В 1988 году психиатр Бенетт Г. Брон, по оценке которого около пятидесяти тысяч американцев страдали от «раздвоения личности» в результате сексуального насилия, заявил, что сатанинские культы США подчиняются международной организации, «структура которой аналогична структуре коммунистических ячеек»¹⁵.

Судебная активность сопровождалась сообщениями в прессе об отравленных леденцах на Хэллоуин, сетях детской порнографии, убежищах для избитых женщин, кодированных сообщениях в рок-песнях и тысячах похищенных детей (изображенных на молочных пакетах во всех продовольственных магазинах). Христианские фундаменталисты, защищавшие дом и семью от дьявола, и радикальные феминистки, защищавшие женщин и детей от патриархии, объединили усилия в борьбе с дьяволом. Когда Фрэнк Фустер, владелец детского сада в пригороде Майами, был осужден по четырнадцати обвинениям в сексуальном насилии и приговорен к 165 годам тюремного заключения, редакционная статья в «Майами Геральд» попыталась выразить чувства своих читателей¹⁶:

Мало кто из преступников в истории Южной Флориды заслуживал пожизненного заключения больше, чем Фрэнк Фустер Эскалона. Он сидел в детском саду «Лесная прогулка» как ядовитый паук, соткавший страшную паутину. Он совершал акты сексуального насилия над детьми, вверенными ему их родителями... И если эти ужасы должны были произойти, то ради того, чтобы были сделаны правильные выводы. Законы пересмотрены, жертвам оказана помощь, родители получили больше прав, общественное самосознание повышено. А чудовище Фустер проведет остаток своей неестественной жизни в клетке, где ему и место¹⁷.

Психотерапевты играли роль полицейских, а полицейские занимались психотерапией. И те и другие оказались вовлечены в сложносочиненный поиск скрытых врагов и утраченной памяти. Количество врагов и воспоминаний росло в прямой пропорции к затраченным усилиям. Один из пионеров археологии насилия, психиатр Лоуренс Паздер, утверждал, что сексу-

Satan's Silence: Ritual Abuse and the Making of a Modern American Witch Hunt (New York: Basic Books, 1995), с. 2–3, 53–103; Lawrence Wright, *Remembering Satan* (New York: Knopf, 1994), с. 73–75; Mary de Young, *The Day Care Ritual Abuse Moral Panic* (Jefferson, NC: McFarland & Company, 2004), с. 152. См. также: *Sex Offender Laws Research*, <http://www.solresearch.org/~SOLR/rprt/bkgrd/FalsAcCases.htm>

¹⁵ Wright, *Remembering Satan*, с. 3–11, 23–27, 37, 48, 59–62, 75–76, 163–164, 86 и др. (цитата Ингрэма на с. 7, цитата Брона на с. 83); Jeffrey S. Victor, *Satanic Panic: The Creation of a Contemporary Legend* (Chicago: Open Court, 1993), с. 104 и др.; Откр. 16:19–20.

¹⁶ Wright, *Remembering Satan*, с. 74; Nathan, Snedeker, *Satan's Silence*, с. 11–50; Frankfurter, *Evil Incarnate*, с. 58; Victor, *Satanic Panic*; Philip Jenkins, Daniel Maier-Katkin, «Occult Survivors: The Making of a Myth» в: James T. Richardson et al., eds., *The Satanism Scare* (New York: Aldine de Gruyter, 1991), с. 127–144.

¹⁷ Цитата из: de Young, *The Day Care Ritual Abuse Moral Panic*, с. 80–81.

альные хищники создали тайное общество «нормальных с виду» чудовищ, которые проникли во все сферы общества под личиной «врачей, священнослужителей и представителей самых разных профессий». Согласно социологическому опросу 1991 года, около 50 % социальных работников в Калифорнии считали, «что сатанинское ритуальное насилие является результатом общенационального заговора хищников и детоубийц, многие из которых пользуются авторитетом в обществе и ведут нормальный с виду образ жизни. Большинство опрошенных полагает, что жертвы актов экстремального насилия склонны вытеснять память о них»¹⁸.

Согласно теории, на которой основывались обвинения, «вытеснению» (репрессии) подлежали не запретные желания, а реальные акты насилия. Память вытеснялась немедленно вслед за событиями; терапия заключалась в «восстановлении памяти» во имя исцеления жертвы и наказания виновных. Признания добывались и толковались психотерапевтами, не связанными правилами проверки и подтверждения. Помощник шерифа Пол Ингрэм был пятидесятилетним, привыкшим «говорить на языках», и полицейским, обученным теории «вытесненной памяти». После нескольких часов допроса он сказал следователям: «Я верю, что они говорят правду и что я их насиловал на протяжении длительного времени, а потом вытеснил память об этом». Три дня спустя он попросил пастора Джона Братуна из Церкви Живой Воды изгнать вселившегося в него дьявола. Совместные усилия следователя и заклинателя принесли немедленный результат. И тот и другой были практикующими психотерапевтами¹⁹.

Ингрэм стал вспоминать людей в плащах, стоящих на коленях вокруг костра. Ему показалось, что он видит труп. Слева от него стоял кто-то в красном плаще и не то в платке, не то в шлеме. «Наверное, дьявол», – предположил он. Люди стонали и причитали. Ингрэм вспомнил, как он стоял на какой-то платформе и смотрел на огонь. Кто-то дал ему большой нож и велел принести в жертву живого черного кота. Он вырезал бьющееся сердце и поднял его над головой на острие ножа²⁰.

Другим источником признаний был шантаж обвиняемых, известный как «сделка со следствием». Двадцатипятилетней Джине Миллер, проходившей в качестве второстепенной обвиняемой на одном из процессов в округе Керн, предложили юридический иммунитет, новую идентичность, финансовую помощь и опеку над ее четырьмя детьми в обмен на признание факта участия в сатанинском сексуальном насилии и согласие дать показания против других подсудимых. Она отказалась, ссылаясь на свою невиновность, и получила 405 лет тюремного заключения – больше, чем предполагаемые «вожди культа». Во фрейдистской судебной системе отрицание вины являлось ее доказательством и симптомом (не актом самозащиты, а «защитным механизмом»). 7 июля 1995 года, после девяти лет тюремного заключения за сексуальное насилие в детском саду, где он работал сменщиком дворника, Томас Макикин написал письмо журналисту Марку Пендерграсту: «Я один из тех, кого ни за что посадили. С 1992 года у меня было три слушания о досрочном освобождении, и все три раза мне отказали, потому что я не окончил курсы для сексуальных преступников. А когда я их окончил, психолог сказал, что не может рекомендовать меня к досрочному освобождению, потому что я настаиваю на своей невиновности, а значит, нахожусь на стадии отрицания»²¹.

¹⁸ Frederick Crews, *The Memory Wars: Freud's Legacy in Dispute* (New York: New York Review of Books, 1995), с. 18–23, 185–187, 219–222; Sherrill Mulhern, «Satanism and Psychotherapy: A Rumor in Search of an Inquisition» в: Richardson et al, *The Satanism Scare*, с. 145–172; Victor, *Satanic Panic*, с. 104; Wright, *Remembering Satan*, с. 78 (опрос в Калифорнии). «Молотом ведьм» этой кампании служила книга: Ellen Bass, Laura Davis, *The Courage to Heal: A Guide for Women Survivors of Child Sexual Abuse* (впервые опубликована в 1988 г.).

¹⁹ Wright, *Remembering Satan*, с. 8, 58.

²⁰ Там же, с. 59.

²¹ Nathan, Snedeker, *Satan's Silence*, с. 160–161; Mark Pendergrast, *Victims of Memory: Sex Abuse Accusations and Shattered Lives* (Hinesburg, VT: Upper Access, Inc., 1996), с. 367. Данные о Томасе Макикине см.: <http://www.sexoffendersarchive.com/>

Когда дело Пола Ингрэма начало рушиться под тяжестью босхианских деталей, которыми он снабжал следствие, суд пригласил специалиста по «культам» Ричарда Офши из Калифорнийского университета в Беркли. Тот заключил, что воспоминания Ингрэма не могут быть подлинными, и посоветовал ему отозвать признание. После двух месяцев раздумий (он вел специальный дневник, в котором классифицировал воспоминания по степени надежности) Ингрэм написал в Библии «умер для себя» и подал заявление об отмене признания. Ему ответили отказом. Перед оглашением приговора он сказал: «Я стою перед вами и перед Богом. Я никогда не насиловал своих дочерей. Я не виновен в этих преступлениях». Он был приговорен к двадцати годам тюремного заключения и отсидел пятнадцать²².

В августе 1984 года тридцатипятилетний иммигрант с Кубы Фрэнк Фустер и его семнадцатилетняя жена из Гондураса, Илеана Флорес, были арестованы за ритуальное насилие над двадцатью детьми в пригороде Майами. Государственный прокурор округа Дейд и главный обвинитель Джанет Рено (баллотировавшаяся на следующий срок) пообещала «сделать все возможное для того, чтобы виновные понесли заслуженное наказание». Илеана провела шесть месяцев в одиночном заключении при ярком электрическом свете. Как она рассказала семнадцать лет спустя: «Я была одна в крошечной камере с кроватью и унитазом. Но меня все время переводили из камеры в камеру. Никогда не забуду одну такую камеру. Она называлась 3A1. Никогда не забуду, потому что большинство людей там... Это была одна большая комната, поделенная на камеры. И большинство людей, то есть все, кто там был, были или под наблюдением из-за попытки самоубийства, или сумасшедшие. И все голые». Адвокат сказал Илеане, что ее единственный шанс – признать вину и дать показания на мужа. Два психолога из организации «Бехейвиор чейнджers» («Меняем поведение») приходили к ней в тюрьму тридцать пять раз. «Это определенного рода манипуляция, – объяснил один из них, доктор Майкл Раппапорт. – Сначала создаешь хорошее настроение, а потом переходишь к тяжелым вещам». Несколько раз приходила Джанет Рено. «Приходила и говорила: «Здравствуй! Я Джанет Рено, государственный прокурор». Я ей говорю: «Я невиновна». А она: «Боюсь, что виновна. Ты обязана нам помочь». Я к тому времени уже около года в тюрьме сидела, точно не помню. Я очень надеялась, что она мне поможет. Но я ее боялась, особенно после того, как она сказала, что, если я им не помогу, она так сделает, что я никогда оттуда не выйду»²³.

Двадцать второго августа 1985 года Илеана согласилась признать себя виновной. «Я хочу, чтобы вы знали, – сказала она в зале суда, – что я признаю себя виновной не потому, что чувствую себя виновной, а потому что я думаю... Я думаю, что это в моих интересах и в интересах детей, и суда, и всех тех, кто связан с этим процессом. Но я не чувствую себя виновной. И этих преступлений не совершала»²⁴.

Сидя между Раппапортом, который время от времени обнимал ее за плечи, и Джанет Рено, которая держала ее за руку, Илеана рассказала, что Фрэнк насиловал ее, поливал кислотой, вставлял в анус распятие, а во влагалище – пистолет и змею и заставлял заниматься оральным сексом с детьми. Если она не могла вспомнить какой-либо эпизод, Раппапорт просил перерыва; проводя несколько минут наедине, они возвращались, и она продолжала давать показания. Фрэнка приговорили к шести срокам пожизненного заключения и 165 годам дополнительно. Илеана получила десять лет плюс десять условно, провела три с половиной года в программе для несовершеннолетних правонарушителей и была депортирована в Гондурас.

citydirectory/PA/Brookhaven/Thomas_Mceachin_536231

²² Wright, *Remembering Satan*, с. 134–192 (цитата на с. 188). См. также: «Listing of information on 159 cases» в: *Sex Offender Laws Research*, <http://www.solresearch.org/~SOLR/rprt/bkgnd/FalsAcCases.htm>

²³ de Young, *The Day Care Ritual Abuse Moral Panic*, с. 71; интервью Илеаны Флорес, июль 2001 г., в документальном фильме PBS «Did Daddy Do It?», <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/fuster/interviews/ileana.html>; Nathan, Snedeker, *Satan's Silence*, с. 173–174.

²⁴ Nathan, Snedeker, *Satan's Silence*, с. 175.

В марте 1993 года Джанет Рено была назначена генеральным прокурором Соединенных Штатов (после того как два предыдущих кандидата сняли свои кандидатуры из-за скандалов с нелегально проживавшими в США нянями). Спустя месяц она приказала федеральным войскам начать операцию по захвату жилого комплекса апокалиптической секты «Ветвь Давидова». Во время штурма с применением танков и артиллерии в здании начался пожар, в котором погибло семьдесят шесть человек. Джанет Рено объяснила свое решение опасениями, что дети членов секты подвергались сексуальному насилию²⁵.

Летом 2001 года Илеана попросила телевизионный канал Пи-би-эс взять у нее интервью. Журналист спросил, «произошли ли на самом деле» события, о которых она рассказывала на процессе²⁶.

Ответ. Нет.

Вопрос. Независимо от того, что вы думаете о Фрэнке Фустере как муже и человеке, виновен ли он в преступлениях, за которые его осудили и посадили в тюрьму?

Ответ. Нет, не виновен.

Вопрос. Делал ли он то, о чем вы рассказывали? Были ли вы свидетелем поступков, в совершении которых его обвиняли? Поступков в отношении детей, которые бывали у вас дома?

Ответ. Я никогда ничего подобного не видела.

Вопрос. Вся эта чудовищная история, известная как дело о сексуальном насилии в детском саду «Прогулка в лесу», – имела ли она место в реальности?

Ответ. Нет, не имела... Я никогда никаких детей и никого не обижала. Ничего этого не было²⁷.

В июле 1998 года тот же журналист взял интервью у Фрэнка Фустера, отбывавшего первое из шести пожизненных заключений.

Вопрос. Фрэнк, предлагали ли вам сделку со следствием?

Ответ. О да. Настаивали. Предлагали пятнадцать лет. И если бы я согласился, я вышел бы отсюда десять лет назад.

Вопрос. А почему вы не согласились?

Ответ. Потому что я невиновен. Я пошел на суд не только ради себя, но и ради детей. Я пошел на суд ради Илеаны. Я пошел на суд ради всех людей, которые в этом участвовали. Кто-то должен был сказать правду. И я решил это сделать. И сделал²⁸.

На момент написания этой книги Фрэнк Фустер провел в тюрьме тридцать лет²⁹.

* * *

Козлов отпущения приносят в жертву всегда и повсюду – символически (в мифах, фильмах, храмах) и во плоти (пока в США охотились на сатанистов, в ЮАР живьем сжигали колдунов и предателей, а в бывшей Югославии «этнически чистили» союзные республики). Некото-

---

²⁵ Там же, с. 175–177.

²⁶ «Ileana Flores's 1994 deposition» in «Did Daddy Do It?», <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/fuster/frank/94recant.html>; «Did Daddy Do it?» transcript, <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/fuster/etc/script.html>

²⁷ Интервью Илеаны Флорес.

²⁸ Интервью Фрэнка Фустера, «Did Daddy Do It?» <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/fuster/interviews/fuster.html>

²⁹ Florida Department of Law Enforcement, Sexual Offender/Predator Flyer, <http://offender.fdle.state.fl.us/offender/flyer.do?personId=58857>

рым обществам удастся ограничивать жертвоприношения особыми обстоятельствами; другим приходится импровизировать акты очищения во время внезапных катастроф. Секты (группы единоверцев, противостоящие развращенному миру) – по определению осажденные крепости. Милленаристские секты (секты, готовящиеся к апокалипсису) находятся в состоянии перманентной моральной паники. Чем лихорадочнее ожидание, тем непримиримее враг; чем непримиримее враг, тем важнее внутренняя сплоченность; чем важнее внутренняя сплоченность, тем нужнее козлы отпущения³⁰.

Мюнстерские анабаптисты изгнали католиков и лютеран, ввели принудительное крещение взрослых (обязательное членство в секте для всех граждан) и пришли к выводу, что никто из правоверных не «совершенен, как совершенен их небесный Отец». Тайпинские воины потеряли способность отличать «манчжурских варваров» у ворот небесной столицы от скрытых врагов внутри. Робеспьер утверждал, что подлинные «враги народа» – не аристократы и иностранцы, столпившиеся у границы, а граждане, «разлагающие мораль и оскоряющие гражданскую совесть». Армагедон требует охоты на ведьм³¹.

Египет мог быть наказан многими казнями, но когда зараза распространилась на избранный народ, Моисей встал в воротах стана и сказал:

Кто Господень, – ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины. И он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек. Ибо Моисей сказал: сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение³².

Отступники не только объединяются с внешним врагом; они хуже внешних врагов, потому что они познали путь правды. Как писал Петр во Втором послании: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи»³³.

В преддверии Конца все враги связаны друг с другом и с несправедливыми мыслями. Те, которые делают сознательный выбор, хуже тех, которые не слышали святой заповеди. Скрытые враги хуже злодеев с печатью на лбу. В милленаристских сектах (и унитарных государствах с сектантскими ожиданиями вроде Арагона и Кастилии времен «католических монархов») все враги злостные и скрытые, и нет врагов опаснее лжепророков.

Сатана – падший ангел; Антихрист – лже-Христос; Иуда – обремененный особым доверием апостол. Корей, который спросил у Моисея, почему он «ставит себя выше народа Господня», – левит, поставленный Господом выше его народа (избранного из всех народов). Аарон, который отступил от Бога, сделав золотого тельца, – брат Моисея и первый священнослужитель. Мариам, которая присоединилась к Аарону, спросив, «одному ли Моисею говорил Господь», – их старшая сестра и спасительница младенца Моисея. Иудейский бог не гнушался кумовства (Корея поглотила земля, Мариам вернулась после семидневной ссылки, а Аарон был прощен). Его неподкупные наследники не могли себе этого позволить. В проповеди об учиненном леви-

³⁰ Behringer, *Witches and Witch-Hunts*, с. 213–214; Joanna Ball, «The Ritual of the Necklace», Publication of the Centre for the Study of Violence and Reconciliation, March, 1994, <http://the-ritual-of-the-necklace.html/www.csvr.org.za/index.php/publications/1632->; Gorski, *The Disciplinary Revolution*, с. 121.

³¹ Scurr, *Fatal Purity*, с. 182.

³² Исх. 32:26–29.

³³ 2 Пет. 2:20–22.

тами побоище Кальвин сказал женецам: «Безжалостно убивая братьев своих, вы демонстрируете преданность Богу, ибо преступаете законы природы во имя верховенства Господа»³⁴.

Все сектанты практикуют самоанализ и взаимное наблюдение с целью разоблачения инакомыслия. Милленаристы подозрительнее и оптимистичнее других, потому что сегодняшние враги – последние. Как писал Петр (вопреки собственной логике):

Ибо, если Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания; и если не пощадил первого мира, но в восьми душах сохранил семейство Ноя, проповедника правды, когда навел потоп на мир нечестивых; и если города Содомские и Гоморрские, осудив на истребление, превратил в пепел, показав пример будущим нечестивцам, а праведного Лота, утомленного обращением между людьми неистово развратными, избавил (ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные) – то, конечно, знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания³⁵.

То, что это случалось раньше, – лучшая гарантия того, что этого больше не произойдет. Вернее, произойдет всего один раз. Беззаконники рождены как животные, «на уловление и истребление», и как животные умрут. В этот раз навсегда³⁶.

* * *

Большевики жили в осажденной крепости. Революция и Гражданская война сопровождалась «концентрированным насилием» против легко опознаваемых врагов из верхней части бухаринского списка («паразитические слои», «непроизводительная административная аристократия», «буржуазные предприниматели-организаторы» и «административная бюрократия»). Увещевания 1920-х годов были попыткой преодолеть великое разочарование, аналогичной Второму посланию Петра (главная тема которого – очевидное неисполнение пророчества). Третьим и решительным боем стала сталинская революция против остального списка, включая «техническую интеллигенцию», «зачиточное крестьянство», «среднюю, а отчасти и мелкую городскую буржуазию» и «духовенство, даже неквалифицированное». XVII съезд партии провозгласил победу, условно простил сомневающихся и положил начало царствию святых³⁷.

Открытых врагов не осталось. Большинство советских граждан превратились в «беспартийных коммунистов». Государство не настаивало на коллективном крещении и изгнании номинальных иноверцев (как в случае мюнстерских анабаптистов и «отвоеванной» Испании), но результат был тот же: все подданные стали по определению верующими, а всякое инакомыслие – проявлением отступничества (а не вражеского сопротивления). Поддержание внутреннего единства требовало не концентрированного насилия, а «поперечного разреза души» (как выразился административный директор Нового театра при обсуждении «обратной стороны сердца»). Бухарин называл это дисциплиной, «принудительный характер которой тем сильнее чувствуется, чем меньше добровольной, внутренней дисциплины, т. е. чем менее революционен данный слой или данная группа пролетариата. Даже пролетарский авангард, который сплочен в партию переворота, в коммунистическую партию, устанавливает такую *принудительную самодисциплину* в своих рядах; она ощущается здесь многими составными

---

³⁴ Числ. 16:3, 19; 12:2, 10; 16:32; Втор. 9:20; Michael Walzer, *Exodus and Revolution* (New York: Basic Books, 1985), с. 64, 111.

³⁵ 2 Пет. 2:4–9.

³⁶ 2 Пет. 2:12.

³⁷ Бухарин, *Экономика переходного периода*, с. 163.

частями этого авангарда мало, так как она совпадает с внутренними мотивами, но тем не менее она есть». Бухарин не раз ощутил это на себе. После праздника победы, к которому он присоединился из «обоза», все советские граждане оказались в его положении³⁸.

Насколько эффективны были самодисциплина и принудительная дисциплина? С одной стороны, квартиры наполнялись зятьями и скатертями, Дон Кихоты сменялись Санчо Пансами, а Израиль Вейцер женился на Наталии Сац и купил костюм. С другой – школа, радио и «работа над собой» успешно воспитывали таких «беспартийных большевиков», как Володя Иванов и Лева Федотов. Социализм был делом времени, а время было неуловимым, но предсказуемым. Как писал Петр: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию». То же справедливо в отношении истории, которая терпеливо ждала, пока экономические предпосылки выстраивались в ряд, а Володя Иванов и Лева Федотов работали над собой. Враги стояли у ворот, курицы и петухи путались под ногами, но в 1934 году казалось, что большевики последуют совету Петра, сохраняют веру и не поддадутся увещаниям наглых ругателей. И вдруг, в первый день последнего месяца волшебного года, зазвонил телефон³⁹.

* * *

Почему убийство заметного, но ничем не замечательного чиновника привело к моральной панике, которая «все изменила»?

Первая причина – внутренняя. Советский Союз был осажденной крепостью в капиталистическом окружении, а Дом правительства – в Советском Союзе. Теория, согласно которой все советские люди в одночасье обратились в коммунистическую веру, означала, что открытые враги стали скрытыми, принудительная дисциплина перестала быть действенной, а каверинская трактовка «обратной стороны сердца» (согласно которой друг и враг – братья-близнецы) оказалась правильной. Дом правительства находился в осаде в Советском Союзе, а старые большевики – в Доме правительства. Пока Володя Иванов и Лева Федотов работали над собой, курицы и петухи делали свое дело (темпами, о каких строители вечных домов не могли и мечтать). Святые правила болотом.

Вторая причина – внешняя. Советский Союз всегда был осажденной крепостью, но к тому времени, как XVII съезд провозгласил победу, продуктивная метафора стала геополитической реальностью. На востоке Япония оккупировала Манчжурию и приблизилась к границам СССР. На западе родина марксизма (и традиционный антипод и отчасти учитель всего русского) попала в плен к враждебной миллениаристской секте. Фашизм, который большевики считали звериным оскалом капитализма, был проявлением племенной обиды ветхозаветного типа. Падшие народы Европы восстали против Вавилона в попытке восстановить утраченное достоинство. Разные партии действовали с разной степенью решительности, но только в Германии революционное движение достигло апокалиптических масштабов, захватило власть в государстве, провозгласило третий и последний Рейх и принялось исполнять собственное пророчество. Евреи Европы стали для германского фюрера тем же, чем Идумея и «рослые Савейцы» были для древних Иудеев, а белые люди – для «израильтян» Еноха Мгиджимы и раса Тафари. Выступая в Рейхстаге 30 января 1939 года, Гитлер сказал: «Если международному финансовому еврейству удастся, в Европе и за ее пределами, ввергнуть человечество в еще одну миро-

---

³⁸ Там же, с. 165–166.

³⁹ 2 Пет. 3:8–9, 17.

вую войну, следствием будет не большевизация человечества и победа еврейства, а истребление еврейской расы в Европе»⁴⁰.

Подобно большевикам (и в отличие от большинства других миллениаристов), Гитлер был в состоянии исполнить свое пророчество. Подобно большевикам (и большинству других миллениаристов), он восстал против тайных источников несправедливой власти. Враг был один и тот же, но большевики считали его классом, а нацисты – племенем. И те и другие считали главного конкурента орудием Вавилона. Оба следовали за Марксом, но Гитлер этого не знал, а большевики не знали этого о Гитлере и редко читали введение к «Критике гегелевской философии права» и статью о «Еврейском вопросе». Последний и решительный бой (*Endkampf*) должен был выяснить, кто зверь, а кто топчет точило вина ярости и гнева. Чтобы одержать победу, нужно было осушить болото.

24. Признание вины

Поиск убийц Кирова начался на самом верху и сосредоточился на падших ангелах. Специальное постановление ЦИК и СНК от 1 декабря предписывало ограничить следствие десятью днями, вручать обвинительные заключения за сутки до рассмотрения, слушать дела без участия сторон, не допускать обжалований и помилований и расстреливать осужденных немедленно по вынесении приговора. По воспоминаниям Н. И. Ежова, Сталин вызвал его и главу Комсомола Косарева и сказал: «Ищите убийц среди зиновьевцев». 16 декабря Зиновьев и Каменев были арестованы. 29 декабря убийца Кирова Леонид Николаев и еще тринадцать человек были расстреляны. 16 января семьдесят пять бывших оппозиционеров в Ленинграде и шестнадцать в Москве (в том числе Каменев и Зиновьев) были приговорены к различным срокам заключения. Один из руководителей следствия, Г. С. Люшков, три года спустя бежал в Японию и заявил, что «все эти мнимые заговоры никогда не существовали и все они были преднамеренно сфабрикованы. Николаев, безусловно, не принадлежал к группе Зиновьева. Он был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы войти в историю героем. Это явствует из его дневника».

Каменев и Зиновьев сначала отрицали свою вину, но потом поняли, что дело не в конкретных поступках. «Здесь не юридический процесс, – сказал на суде Каменев, – а процесс политический». Вернее, душеспасительный. После окончания следствия Зиновьев написал письмо следователям (которыми руководил Яков Агранов)⁴¹.

Тов. Агранов указал мне на то, что дававшиеся мною до сих пор показания не производят на следствие впечатления полного и чистосердечного раскаяния и не говорят всего того, что было.

Сроки следствия приближаются к самому концу.

Данные мне очные ставки тоже, конечно, производят на меня свое действие. Надо и надо мне сказать следствию все до конца.

Верно, что то, что я говорил в предыдущих показаниях, содержит больше о том, что я мог бы сказать в свою защиту, чем о том, что я должен сказать для полного обличения своей вины. Многое я действительно запомнил,

---

⁴⁰ Max Domarus, ed., *Hitler: Speeches and Proclamations, 1932–1945*, vol. 3: 1939–1940 (Würzburg: Domarus verlag, 1997), с. 1449. Ср. Max Domarus, *Hitler. Reden und Proklamationen, 1932–1945*, vol. 2: 1939–1945 (Würzburg: Domarus Verlag, 1963), с. 1057–1058. David Regles, *Hitler's Millennial Reich* (New York: NYU Press, 2005), с. 166 и др. О большевистском государстве как осажденной крепости см.: Sarah Davies, James Harris, *Stalin's World: Dictating the Soviet Order* (New Haven: Yale University Press, 2014), с. 59–130; James Harris, *The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s* (Oxford: Oxford University Press, 2016).

⁴¹ «Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934 г.», <http://stalin.memo.ru/images/1934.htm>; Matthew E. Lenoe, *The Kirov Murder and Soviet History* (New Haven: Yale University Press, 2010), с. 251–388 и др.; Хлевнюк, *Хозяин*, с. 232–234; А. Яковлев, ред., *Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов* (М.: Изд-во политической литературы, 1991), с. 123–170 (цитата Ежова на с. 153), 183 (цитата Люшкова).

но многого не хотелось додумать до конца, а тем более сказать следствию до самого конца.

Между тем я хочу разоружиться полностью.

Вопрос заключался не в том, кто виновен в убийстве Кирова, а в том, что лежит по другую сторону сердца Зиновьева.

Я был искренен в своей речи на XVII съезде и считал, что только в способе выражений я «приспосаблиюсь» к большинству. А на деле во мне продолжали жить две души.

В центральной группе б. «зиновьевцев» были и более сильные характеры, чем я. Но вся беда в том, что все наше положение, раз мы не сумели по-настоящему подчиниться партии, слиться с ней до конца, проникнуться к Сталину теми чувствами полного признания, которыми прониклась вся партия и вся страна, раз мы продолжали смотреть назад, жить своей особой «душной жизнью», – все наше положение обрекало нас на политическую двойственность, из которой рождается двурушничество.

Полному разоружению мешал страх – страх «перед историей» и страх «попасть в положение человека, который чуть ли не разжигал терроризм по отношению к вождям партии и советской власти». К концу следствия стало ясно, что единственное средство положить конец терроризму – признаться в его разжигании. «Пусть на моем тяжелом примере учатся другие, пусть видят, что значит сбиться с партийной дороги и куда это может привести»⁴².

Он был приговорен к десяти годам в Верхнеуральском политизоляторе (Татьяна Мягкова прибыла туда годом ранее). «Чем сильнее становится СССР и чем безнадежнее положение врагов, – говорилось в секретном письме ЦК партийным организациям, – тем скорее могут скатиться враги – именно ввиду их безнадежного положения – в болото террора». Зиновьевцы оказались, «по сути дела, замаскированной формой белогвардейской организации, вполне заслуживающей того, чтобы с ее членами обращались как с белогвардейцами». На очереди были другие оппозиционеры. «Нужно, чтобы члены партии были знакомы не только с тем, как партия боролась и преодолевала кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, но и с тем, как партия боролась и преодолевала троцкистов, «демократических централистов», «рабочую оппозицию», зиновьевцев, правых уклонистов, право-левацких уродов и т. п.»⁴³.

В 1935 году было арестовано 3447 бывших оппозиционеров, а в 1936-м – 23 279. Проверка партийных документов в мае – декабре 1935 года привела к исключению 250 тысяч членов партии и аресту 15 тысяч. Следствие по делу о распространении слухов среди персонала Кремля кончилось разоблачением террористической организации. Два человека были приговорены к расстрелу, 108 – к различным срокам заключения. Секретарь ЦИК и администратор кремлевских привилегий Авель Енукидзе был исключен из партии за «политическое и бытовое разложение»⁴⁴.

Разложение и предательство в партийных рядах ассоциировалось с наличием социальных групп, заинтересованных во внутреннем расколе и иностранном вмешательстве. В феврале – марте 1935 года «остатки разгромленной буржуазии» в составе 11 072 человек (4833 глав семей и 6239 членов семей) были высланы из Ленинграда (в основном в «спецпоселения» на севере страны). Летом и осенью советские города были «очищены» от 122 726 «уголовных

---

⁴² Яковлев, ред., *Реабилитация*, с. 159–164.

⁴³ Там же, с. 191–195.

⁴⁴ В. Хаустов, Л. Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.* (М.: РОССПЭН, 2010), с. 87, 93; Хлевнюк, *Хозяин*, с. 235–236, 252–256; Lenoe, *The Kirov Murder*, с. 454–455; J. Arch Getty, Oleg V. Naumov, *The Road to Terror: Stalin and the Self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939* (New Haven: Yale University Press, 1999), с. 140–218; *Документы по «Кремлевскому делу»*, http://perpetrator2004.narod.ru/Kremlin_Affair.htm

и деклассированных элементов» и 160 тысяч «беспризорных и безнадзорных детей». Около 62 тысяч детей были помещены в «детоприемники» НКВД, около 10 тысяч переведены в систему уголовного правосудия. Постановление ЦИК и СНК от 20 апреля 1935 года распространило применение смертной казни на несовершеннолетних старше двенадцати лет⁴⁵.

Чистки и аресты проводились на основании «учетных списков» НКВД, в которых значились бывшие члены эксплуататорских классов, политических партий и партийных оппозиций, а также бывшие кулаки, исключенные члены партии и лица, замеченные в ведении «контрреволюционных разговоров» и «дискредитации руководства партии»⁴⁶.

Особое место в списках занимали лица, связанные с иностранными государствами. Убийство Кирова совпало с ростом напряженности в отношениях с Японией и Германией. Зимой и весной 1935 года приграничные районы Украины, Карелии и Ленинградской области были «очищены» от немцев, поляков, финнов, латышей и эстонцев. Из Азербайджана и «национальных республик» Северного Кавказа были высланы кулаки и «антисоветские элементы». По мере того как кольцо окружения сужалось, а учетные списки росли, все больше людей, так или иначе связанных с враждебными государствами, становились потенциальными шпионами. Вскоре все соседние государства стали враждебными, а потенциальные шпионы – реальными. Опыт Гражданской войны в Испании добавил новый повод для поиска внутренних врагов и новый термин для их обозначения. Значительная часть населения СССР превратилась в «пятую колонну» вражеской армии. В 1935–1936 году 9965 человек было арестовано по обвинению в шпионаже (3528 в пользу Польши, 2275 в пользу Японии и 1322 в пользу Германии). Как сказал в подобной ситуации Робеспьер: «Разве не очевидно, что смертельная схватка между свободой и тиранией неделима? Разве внутренние враги не являются союзниками внешних?»⁴⁷

В начале 1936 года Ежов – по приказу Сталина и при содействии Агранова – разоблачил преступную связь между зиновьевцами и троцкистами. Оставшиеся на свободе зиновьевцы и 508 троцкистов были арестованы, расстреляны, отправлены в лагеря или использованы для создания новых дел. «Исключительно тяжелая работа в течение трех недель над Дрейцером и Пикелем, – писал Ежову следователь А. П. Радзивиловский, – привела к тому, что они начали давать показания». Е. А. Дрейцер в прошлом был троцкистом, Р. В. Пикель – зиновьевцем. «Тяжелая работа» заключалась в угрозах, лишении сна и обращениям к партийной совести. «После вашего последнего допроса 25.I., – писал бывший троцкист В. П. Ольберг, – меня охватил отчего-то ужасный, мучительный страх смерти. Сегодня я уже несколько спокойнее. Я, кажется, могу оговорить себя и сделать все, лишь бы положить конец мукам»⁴⁸.

Зиновьева привезли для новых допросов. 14 апреля 1936 года он написал письмо Сталину:

При всех обстоятельствах мне осталось жить во всяком случае очень недолго: вершок жизни какой-нибудь, не больше.

Одного я должен добиться теперь: чтобы об этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося, раскаялся до конца, сказал советской власти абсолютно все, что знал, порвал со всем и со всеми, кто был

⁴⁵ Хлевнюк, *Хозяин*, с. 236–239, 302; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 62–69, 80–83; Лепое, *The Kirov Murder*, с. 455–457; В. Хаустов и др., сост., *Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД, январь 1922 – декабрь 1936* (М.: Демократия, 2003), с. 613–616, 654–657, 670–671.

⁴⁶ Тепляков, *Машина террора*, с. 206–227; Хлевнюк, *Хозяин*, с. 302; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 80–83.

⁴⁷ Хлевнюк, *Хозяин*, с. 291–298, 240–241; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 26–56; М. Робеспьер, «О принципах политической морали». Перевод автора.

⁴⁸ Яковлев, ред., *Реабилитация*, с. 171–184; А. Орлов, *Тайная история сталинских преступлений* (М.: Всемирное слово, 1991), с. 94–98.

против партии, и готов был все, все, все сделать, чтобы доказать свою искренность.

В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение...⁴⁹

В секретном письме от 29 июля 1936 года ЦК сообщил партийным комитетам, что «троцкистско-зиновьевский контрреволюционный центр и его вожди Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, слились с самыми отъявленными и озлобленными врагами Советской власти» и «не только превратились в организующую силу последышей разгромленных классов в СССР, но... стали еще головным отрядом контрреволюционной буржуазии за пределами Союза, выразителями ее воли и чаяний». В сложившихся условиях «неотъемлемым качеством каждого большевика... должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован»⁵⁰.

Процесс состоялся три недели спустя. Все шестнадцать подзащитных, в том числе Зиновьев, Каменев, Дрейцер, Пикель и Ольберг, признали свою вину и были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. Троцкий и его сын Лев Седов были осуждены *in absentia*. Радек писал в «Известиях»:

Спекулируя на остатках старого большевистского доверия к ним, лжепокаявшимся, рассчитывавшим на благородство партии, они построили систему лжи и обмана, систему двурушничества, какой не знает история человечества... Они стали фашистами, и они работали на польский, германский, японский фашизм. Вот историческая правда. И она была бы исторической правдой, даже если бы не было никаких доказательств их связи с фашистскими разведками⁵¹.

Вскоре после процесса по обвинениям в связи с троцкистско-зиновьевским центром было расстреляно еще 160 человек. Несколько тысяч бывших оппозиционеров было арестовано. 26 сентября 1936 года Ежов стал народным комиссаром внутренних дел. Спустя три дня Политбюро утвердило проект о необходимости «расправы» с ранее арестованными «троцкистско-зиновьевскими мерзавцами». 4 октября Политбюро (в составе Кагановича, Молотова, Постышева, Андреева и Ворошилова) приняло «предложение т.т. Ежова и Вышинского о мерах судебной расправы с активными участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек» (то есть без рассмотрения персональных дел). Новые аресты вели к новым признаниям, которые вели к новым арестам. Некоторые из бывших оппозиционеров работали директорами предприятий; за их арестами последовали аресты директоров, которые никогда не были оппозиционерами»⁵².

---

⁴⁹ Яковлев, ред., *Реабилитация*, с. 184.

⁵⁰ Там же, с. 196–210.

⁵¹ *Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра* (М.: Народный комиссариат юстиции, 1936); К. Радек, «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда», *Известия* (1936, 21 августа).

⁵² Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 91–99; Getty, Naumov, *The Road to Terror*, с. 255–282; «Сталинские списки», <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm>

* * *

Бухарин на встрече с ударниками во время альпинистского похода на Эльбрус

На августовском процессе Каменев и Зиновьев назвали Радека и бывших правых (Бухарина, Рыкова и Томского) в числе участников заговора. Томский застрелился у себя на даче в Болшеве 22 августа. Бухарин, который охотился и писал пейзажи на Памире, спустился с гор и отправил Сталину телеграмму: «Только что прочитал клеветнические показания мерзавцев. Возмущен глубины души. Вылетаю Ташкента самолетом 25 утром». Анна Ларина, недавно родившая сына, встретила его в аэропорту. «Н. И. сидел на скамейке, забившись в угол. Вид у него был растерянный и болезненный. Он хотел, чтобы я его встретила, опасаясь, что арест произойдет в московском аэропорту». Два дня спустя он отправил в Политбюро длинное письмо, в котором доказывал свою невиновность и обсуждал возможные мотивы своих обвинителей. Письмо кончалось мольбой:

Я сейчас потрясен до самого основания трагической нелепостью положения, когда, при искреннейшей преданности партии, пробыв в ней тридцать лет, пережив столько дел (ведь кое-что я делал и положительное), меня вот-вот зачислят (и уж зачисляют) в ряды врагов – да каких! Перестать жить биологически – стало теперь недопустимым политически. Жизнь при политической смерти не есть жизнь. Создается безысходный тупик, если только сам ЦК не снимет с меня бесчестья. Я знаю, как теперь стало трудно верить, после всей зловонной и кровавой бездны, которая вскрылась на процессе, где люди были уже не-люди. Но и здесь есть своя мера вещей: не все люди из бывших оппозиционеров двурушники.

Пишу вам, товарищи, пока есть еще капля душевных сил. Не переходите грани в недоверии! И – прошу – не затягивайте дела подследственного Николая Бухарина: и так мне сейчас жить – тяжкая смертельная мука, – я не могу

переносить, когда даже в дороге меня боятся – и, главное, без вины с моей стороны.

Что мерзавцев расстреляли – отлично: воздух сразу очистился. Процесс будет иметь огромное международное значение. Это – осиноый кол, самый настоящий, в могилу кровавого индюка, налитого спесью, которая привела его в фашистскую охранку. У нас даже мало оценивают, мне сдается, это международное значение. Вообще жить хорошо, но не в моем положении. В 1928–29 преступно наглупил, не учитывая всех последствий своих ошибок, и вот даже теперь приходится расплачиваться такой ужасной ценой.

Привет всем вам. Помните, что есть и люди, которые искренне ушли от прошлых грехов и которые, что бы ни случилось, всей душой и всем сердцем (пока оно бьется) будут с вами⁵³.

Тридцать первого августа он написал отдельное письмо Ворошилову, в котором, обращаясь к Полюбюро и партии, спрашивал, неужели они думают, что он говорил о Кирове неискренне.

Поставьте честно вопрос. Если неискренне, то меня нужно немедленно арестовать и уничтожить: ибо таких негодяев нельзя терпеть.

Если вы думаете «неискренне», а сами меня оставляете на свободе, то вы сами *трусы*, не заслуживающие уважения.

А если вы сами не верите в то, что набрехал циник-убийца Каменев, омерзительнейший из людей, падаль человеческая, то зачем же вы допускаете резолюции, где (Киевская, напр.) говорится о том, что я «знал» черт знает о чем?

Где тогда смысл следствия, рев. законность и прочее?⁵⁴

Смысл следствия и революционной законности заключался в том, чтобы установить, искренен ли он. Единственным доказательством его искренности служили его собственные утверждения. Как Томский сказал на XVI съезде партии в 1930 году, у кающихся грешников нет ничего, кроме слов, а слова, по мнению съезда, – вздор, тлен, сотрясение воздуха. «Кайся, кайся без конца и только кайся». Согласно извещению ЦК, Томский покончил с собой, «запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами». Бухарин не хотел кончать с собой. Его стратегия состояла в генерировании слов – слов, обращенных к партийному руководству в целом и некоторым руководителям в отдельности. Вторая часть письма адресована лично Ворошилову.

Хорошо было третьего дня лететь над облаками: 8° мороза, алмазная чистота, дыхание спокойного величия.

Я, б. м., написал тебе какую-то нескладницу. Ты не сердись. Может, в такую конъюнктуру тебе неприятно получить от меня письмо – бог знает: все возможно.

Но «на всякий случай» я тебя (который всегда так хорошо ко мне относился) заверяю: твоя совесть должна быть внутренне совершенно спокойна; за твое отношение я тебя не подводил: я действительно ни в чем не виновен, и рано или поздно это обнаружится, как бы ни старались загрязнить мое имя...

---

⁵³ «Письма Бухарина», *perpetrator2004.narod.ru/.../Bukharin_Letters.doc*; Ларина, *Незабываемое*, с. 294.

⁵⁴ «Письма Бухарина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.